

DOI: 10.15643/libartrus-2020.3.1

Философское сегодня. Часть II. LUX benigna

© В. В. Ильин

Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт»
Россия, 132182 г. Москва, площадь Академика Курчатова, 1.

Email: vvilin@yandex.ru

Во второй части работы намечается абрис эвристической санации философской деятельности, предусматривающей разворачивание творческой энергии в сторону исследования реалий. Не анализ текстов, но рефлексия существа кипучей жизни, – предмет исканий не конъюнктурных, но трезвых голов. Назначение философии – вскрывать органические скрепы существования, обнажать сущностные корни бытия, налаживать связь времен. Философские произведения должны осмеливаться быть самими собой; их авторы – выше «своего задания». От социальной демагогии к созидательной деятельности – магистраль развития философии.

Ключевые слова: философия, культура, творчество, жизнь.

В 1834 г. Белинский вызывающе дерзко заявлял: «У нас нет литературы». И это при состоявшихся Тредиаковском, Кантемире, Ломоносове, Сумарокове, Хераскове, Новикове, Фонвизине, Радищеве, Капнисте, Дмитриеве, Карамзине, Пнине, Жуковском, Загоскине, Гнедиче, Вяземском, Бестужеве-Марлинском, Дельвиге, Пушкине, Баратынском, Одоевском, Языкове, уже обозначившихся Бенедиктове, Гоголе, Лермонтове.

Речь не о невежестве критика, а о гиперболе-обострении: какова литература и каковой ей быть. Ровно то же – о философии. Говоря: у нас нет философии, мы ничего не зачеркиваем, не перечеркиваем. Мы – не нигилисты. Но относимся к существующему заостренно критически. Наше кредо: *ad lucem*. В прошлом: Розенгейма-поэта путали с поэтом Лермонтовым. Против такой перверсии восставал Белинский. В настоящем: философии – все меньше и меньше, философов – все больше и больше. Против такой перверсии восстаем мы.

Жизнь жаждет нового слова, – философия не поставляет его. Жизнь требует выхода на авансцену причастности, – философия скрывается на заднике безучастности. Жизнь нуждается в поэзисе, – философия пробавляется мимезисом. Стоячая вода. Инерция. Уклонение.

Во время оно философский жизнотворный устроительный порыв всячески пресекался. Сократа казнили за гражданскую смелость, свободомыслие, проявление собственного достоинства. Платона планировали убить в трех миссионерских «командировках» на Сицилию (к дворам Дионисиев Старшего, Младшего). Расправились с Бруно. Арестовали Дидро. Разгромили петрашевцев. Репрессировали Чернышевского... Нескончаем мартиролог за философию пострадавших.

В брехтовском «Галилее» монарх указывает на опасность для человечества (точнее – режима), которая коренится в «безудержном исследовании». В отечестве с идеологизацией – политизацией – догматизацией общественнознания проявление искры божией, духа исследования на ниве философии каралось. Если не брать оголтелой войны середины 30-х с Дебориным,

Бухариным, Лузиным, политических репрессий 30-х, 50-х гг., то с подозрительным отношением к чувству поиска в профессии сталкивались каких-нибудь 70–60 лет назад при погроме социологии, философии науки, травле гегельянства и т.д. Пострадали Зиновьев, Левада, Копнин, Ильенков, Бутенко, М. К. Петров; от бессмысленных притеснений претерпевали Андреева, Потемкин, Куприян, Купцов, Тростников, Егидес, Лесков, Лебедев...

Чуть больше полувека прежде..! С чем боролись? С заявлением

- авторства: оригинальности, своеобразности, самостоятельности, склонности к хождению по своим – неисхоженным, непроторенным, неизведанным – дорогам;
- искательства: проблемности, предметности, тематической организованности мыслестроя.

Что получили? Имя им – легион посредственностей, не несущих в себе, говоря слогом Ап. Григорьева, клад всего неперемногого, что есть в стремлениях эпох.

Философия распрощалась с индивидуальностью; философия распрощалась с социальной. Она не обобщает достижений мысли, не подготавливает культурные взрывы.

Ирония – произвол духа, – замечал Ф. Шлегель. Скрытая насмешка исполненного хитростью духа применительно к отечественной философии проявилась в отказе требовать собственную судьбу.

«Требую судьбу», – в призывном обращении Тынянова к Шкловскому – повеление вывести вершение жизненно важного литературного дела из-под ферулы тектоники несуразного – сомнительных искажений, деформирующих движений, привносящих в монолит художественности предосудительную порчу – неорганичные разломы, вбросы, надвиги.

Много воды утекло с тех пор, но главное, за что ратовали новаторы дела – сделано: литература обрела самостийность; править бал в ней начал талант.

Философия сбросила оковы теологии. И вздохнула. Теперь она должна сбросить трудно изживаемый атавизм прошлого – оковы идеологии. И обрести второе дыхание. Воскреснуть.

Былое подкрепляет. Но не все. Из былого заимствуется пламя, а не пепел.

Классическую диспозицию «от какого наследства мы отказываемся» правильно перевести в деонтологическое русло: мы отказываемся от концептуальной, социальной безвольности, бесхарактерности, безынициативности. С нашим идеологизирующим прошлым следует прощаться не с ювеналовским пафосом отчаяния, но – надежды. Слишком долго моральная, духовная леность пестовала интеллектуальную спячку – бегство даже от доктринальной борьбы, уныние мысли, жизненную духоту, стеснение, скуку.

Между тем, – излагал Марк Аврелий, человек, первостепенно – философ – грешит и бездействием. Как истари ведется, призвание философии – быть явным «живым отголоском времени» – его понятий, верований, стремлений, орудием настройки личности, общества на осознанное действие согласно его будущим велениям [7, с. 100].

Отчетливо созревшее стремление «к лучшему» усиливается желанием избавить философствование от обременений беспросветных времен. Преодоление скульптурного способа мышления связывается с отработкой (используя математическую лексику) мартингала – свободного критико-аналитического процесса с подчеркнутой нечувствительностью (безразличностью) к сомнительным отягощениям прошлого. Положительное обновление категорично в требованиях:

– прекратить сухоядение: воспрепятствовать отправлению философствования в режиме производства эксцерптов. Поворот от анализа текстов к анализу реалий – спасительный.

К примеру, – дабы «верно изображать... общество надо... постигнуть его сущность, его особенность; а это нельзя иначе сделать, как узнав фактически (! – **В. И.**) и оценив философски ту сумму правил, которыми держится общество. У всякого народа две философии: одна ученая, книжная, торжественная, праздничная (! – **В. И.**), другая – ежедневная, домашняя, обиходная. Часто обе... философии находятся более или менее в близком соотношении друг к другу (не у нас. – **В. И.**); и кто хочет изображать общество, тому надо познакомиться с обеими, но последнюю особенно необходимо изучить» [2, с. 433];

– прекратить лакировку: искать настоящие (верифицируемые) причины событий – тех же «бедствий масс» [14, с. 40]. Почему в России и раньше, и сейчас жить неуютно? «Когда я хожу по улицам... – делится впечатлениями Герцен, – на меня находит ужас: за каждой стеной мне мерещится драма, за каждой стеной виднеются горячие слезы – слезы, о которых никто не ведает, слезы обманутых надежд (! – куда как актуально. – **В. И.**), – слезы, с которыми утекают не одни юношеские верования, но все верования человеческие, а иногда и самая жизнь (! – ужас. – **В. И.**). Есть, конечно, дома, в которых благоденственно едят и пьют (конечно, есть! – **В. И.**)...»; но и тут найдется хоть кто-нибудь, кому «солон жить» [5, с. 80–81].

Сюжетно, тематически, проблемно к отмеченному примыкает глубокий доктринальный пласт: основания существовательного неудобья – тем более в вариации «просточеловека»: «...все общественные основания нашего времени требуют строжайшего пересмотра и коренной перестройки, что и будет рано или поздно (злостно. – **В. И.**), – писал Белинский Боткину. – Пора освободиться личности... и без того несчастной, от гнусных оков неразумной действительности» [4, с. 13]. Натурально: пора!

О злополучной ситуации наших «бедных людей» буквально кричит участливая беллетристика (произведения Пушкина, Гоголя, Достоевского, Тургенева, Некрасова, Герцена, Успенского...), но – не социальная философия, политическая социология, политология, руссиеведение, цивилизационистика... Почему?!

Необходимо прекратить подменять философию философованием: ставить на место обозрения проблем теории проблемы истории. Во избежание недоразумений оговоримся: особенность философской теоретизации такова, что требует черпать опору в отношении актуального тока мысли к реализованному в наследии. Однако же естественное ментальное *ritardando* в профессии – не повод культивировать аморфную податливость рассматриваний, благоволить отсутствию глубины, индивидуальности, попустительствовать неоригинальности (ср.: мучение тургеневского Гамлета Щигровского уезда, самосознающего собственную неоригинальность).

Специалист любой отрасли может не быть знатоком ее истории (математики, естественники, часть обществоведов, как правило, не сведущи в филиации дисциплинарных идей). Не то философ. Теоретик философии обязан быть и ее историком. В противном случае – темнота профессионального невежества. Но верно и другое: знаток истории философии *ex professo* должен быть причастен к философской теории. Иначе – курьезы, несообразия, *errata corrigé*. Обратим внимание на ряд требующих выправления «кочующих» сюжетов. В дали веков – одно; вблизи – другое.

1. Полагается, будто методологические основания науки Нового времени заложил Ф. Бэкон. Это – недоразумение. Аутентичная бэконовская теория индуктивных заключений, опиравшаяся на методы сходства, различия, остатков, сопутствующих изменений к исканиям

в естествознании никакого отношения не имеет (в лучшем случае, она используется на стадии сбора улик дознавателями).

Индуктивные приемы в опытной науке версифицируются моделью рациональной индукции (гипотетико-дедуктивный метод) Галилея и ее продолжением – методом принципов организации теории Ньютона.

Что касается методологии, дело обстоит сложнее, чем кажется. Доктрина индуктивной логики в части функционирования формальной операторики применяет аппарат теории вероятностей. Не классической – развитой Паскалем, Ферма, Лейбницем, Я., Н., Д., И. Бернулли, Эйлером, Чебышевым и др. (Данный аппарат не чувствителен к фиксации природы опытных ситуаций ввиду крайне абстрактного исчисления вероятности как отношения числа благоприятных к равновозможным исходам; естественнонаучная оценка явлений комбинирование показателем «равновозможность» исключает. По той же причине первый, второй позитивизм, утрировавшие «опытное оправдание», выказали неспособность развернуть адекватную методологию естествознания.), а неклассической – вследствие обогащения теории вероятностей частотным, диспозициональным, логическим, субъективным подходами. (Последние эксплуатировали нео- и постпозитивисты, но и они уже по иным соображениям не разработали приемлемой индуктивной методологии опытного знания).

2. Полагается, будто Евклид – автор дедуктивно организованной геометрической теории. Это – заблуждение. Метод построения евклидовой геометрии в авторской редакции – генетически-конструктивный. Аксиоматические принципы оформления геометрии разрабатывал Паш (одна из аксиом порядка – Паша). Первый достаточно строгий вариант аксиоматизации евклидовой геометрии только в 1899 г. предложил Гильберт.

3. Досадные промахи отличают попытки высказаться о существовании неевклидовых геометрий – в части, касающейся метрики. Ошибок не избежал столь серьезный философ-вед (и близкий по духу нам человек), как Чанышев, утверждавший: геометрия Лобачевского описывает поверхность «с положительной (??? – **В. И.**) кривизной»; геометрия Римана (какая?) – поверхность «с отрицательной (??? – **В. И.**) кривизной» [21, с. 34]. С точностью до наоборот.

4. Интенсивно толкуется гуссерлевский прием «феноменологическая редукция» как способ пробиться к достояниям «чистого» сознания в очистительной процедуре: эпохэ, эйдети-ческий, трансцендентальный фазисы. При всей этой смете спрашивается: если сознание есть осознаваемое бытие, рефлексивное освоение предметно-содержательных, смысловых структур, – возможна ли беспредпосылочная «абсолютная» эгология, – тем более на фоне результатов Тренделенбурга, дезавуировавшего проект «беспредпосылочности» в философии. Далее: насколько эпистемологически доброкачественны такие техники, как «приведение к созерцанию», «эйдети-ческое усмотрение» и т.д. Очевидно, ограничиться философско-ведческим углом зрения здесь невозможно. Ведь самое важное – концептуально уяснить доктринальное упование Гуссерля: «...двигаться в атмосфере прямой интуиции (это как? – **В. И.**)» – вне опоры на стандартные способы отправления познавательных актов – «без всяких косвенно-символизирующих и математизирующих методов, без аппарата умозаключений и доказательств (это как? – **В. И.**)» [8, с. 56]. Тут-то все дело. Гуссерль анонсирует гносеологический курс «непосредственного узрения», «прямого видения», которое есть последний источник оправдания всех разумных утверждений. Что это – пустые слова-призраки? Или программа?

Если программа, позволяет ли она решить: как созерцать кривую, не имеющую касательной ни к одной из своих точек; как созерцать «символ»; гетевскую «вечную женственность»;

соловьевскую «Софию»; «светлое будущее»; розановскую «половую мифологию»?.. Хватит. Но Гуссерль-то ставит своей заслугой разработку эйдетического арсенала переживания символических «математических тезисов» [23];

– прекратить бездумную апологию происходящего: покончить с сервилистической экзегетикой. Тут трудно не адресоваться к Белинскому: «Тяжело даже решить, отчего больше проигрывает отечество: от злобы ли злых людей или от равнодушия, тупости, неповоротливости, односторонности, кривосмотрения людей по природе добрых, которые ни рыба, ни мясо (! – **В. И.**)» [3, с. 52]. Подобно науке, философия начинается с удивления и подобно ей она функционирует в качестве института содержательного разворачивания.

Бог запретил Адаму вкушать плоды с Древа познания добра и зла. Но первочеловек не ведал данного различия. По неведению и стремлению познать вкусил. Бог покарал. За что? Обретение знания. С допотопных времен человек несет тяжелую ношу познания мира.

Познание – занятие духовно универсальное. Им занимаются все отрасли умствования, но своеобразно. Преимущественно искусство – показывает; наука – доказывает; философия – убеждает. Специфическая духоводительная миссия философии проявляется под двумя видами: гуманитарного роста и снижения. Первое обслуживают искания идеала в залоге «кондициалис», второе – в залоге «реалис». Отличие принципиально. Одно стоит на потенциальной, другое – на актуальной позиции. Намечаются несопоставимые стратегии – на совершенствование и на консервацию существующего.

Стратегия «улучшение» – призывна, требовательна, вводит публичные высокие образы, не позволяет возвращаться к старым, уже осужденным формам, заставляет быть лучше, чище, нравственнее [16, с. 141]. Стратегия «довольство» – не призывна, не требовательна, не вводит никаких будирующих образов, ограничивается агитацией, пропагандой.

Основное же мерило всех философских починов – человеческий прогресс, простор и непрременный отказ от угнетающих, деструктивных традиций. Как у Чехова: «Мы уже не дерем на конюшне наших лакеев, но мы придаем рабству утонченные (! – **В. И.**) формы... умеем находить для него оправдание (апологетика. – **В. И.**) в каждом отдельном случае».

От одиночества бессилия и бессилия одиночества в философии пора освобождаться; пора освобождаться от апологетической спекуляции и спекулятивной апологетики. Как подчеркивается в пролетарском гимне, освобождению не помогут ни Бог, ни царь, ни герой. Бог – потому что непостижим; царь – потому что недостижим; герой – потому что неисповедим.

Освобождение философии – в руках самой философии, которая, пребывая «ниже неба», но выше «свалки мира сего» [15, с. 92], должна быть господином сама себе: черпая вдохновение в собственной бездонной самости, ставить себе нерукотворный памятник – человеку, человечеству прививать идеальное, чувства добрые безмерно пробуждать.

Философия, следовательно, должна быть керигматичной

– человекоподъемной: «...философия, и она одна, вносит смысл и человеческое значение во все, куда... входит. Мы осмысливаем нашу деятельность настолько, насколько вносим в нее элемент философии» [13, с. 517];

– практически объемной: «любая философия является практической, даже та, что поначалу кажется сугубо созерцательной» [19, с. 470].

Как и художник, постигая время, философ акцентуирует траекторию «не мыслитель ко времени», но «время к мыслителю». Задача философии – осмысливать протекшее, но и

предвосхищать – подготавливать, вызывать грядущее (ср.: философия Просвещения – рефлексивная подготовка Великой французской революции).

«Ему повезло», – высказывал о Брехте Фейхтвангер: «время... при его жизни приблизилось (! – **В. И.**) к нему, поняв и оценив то, что он сделал». Искусство определяет тенденции, броском вперед – экстраполяцией уготавливает почву для будущих всходов. Нечто подобное делает философия: улавливая назначение времени, погружаясь (не погребаясь!) в него, она обозначает средства его преодоления. Посредством чего? Как ни пафосно это звучит, – посредством обоснования идеальной Вальхаллы, – возвышенного царства, но не избранных, а живущих жизненной правдой. Ликующее причастие совершенному философии осуществляет не искоренением пороков, не запретами, но пробуждением добродетели, достижением мировой мудрости и осуществлением мудрости мира.

Понять это сложно; принять – нужно, – философия жизнедействует как ресурс критического выражения «невыразимого в самой философии» [1, с. 103].

Отвергая филистерскую апологетизацию, мы наряду с нею отвергаем и род логического евангелия – агрессивную скабрезную формализацию, – тенденцию придать философии подобие «строгой» науки (ср.: нелепую Спинозовскую прививку философии своеобразия геометрии). Наивная, хоть и мотивированная вера в успех производимой пересадки черт привоя в ткань подвоя с тем, чтобы пересаженная часть одного, сросшись, придала другому новые полезные свойства, – абсурдна.

Плоть философии – не формальна и не формализуема. Философия не может быть строгой (даже в том специфическом смысле, какой вкладывал в программу ее взискательного преобразования Гуссерль).

Как бесконечный «диалог души с собой» (Платон) философия архитектурно – динамична; онтологически – релятивна; экзистенциально – спасительна; методически – альтернативна; эвристически – полифундаментальна; методологически – плюральна. Генеральная черта философии – открытость. Повадливость вольнолюбивому ветру перемен, тревогам существования. Иначе говоря, – неоконченность, незавершенность. Любая попытка наметить предел, указать последнюю грань исполнения, продумывания, решения, провести финализацию – оказывается простодушной или хуже – «топорной» работой.

Те же жизненные тревоги. Их множество. Тиллих радикализирует три: судьба и смерть; вина и осуждение; пустота и отсутствие смысла. Сильные судьбические экзистенциалы, отвечающие технике сюжетной философской тематизации сущего в категориальных диадах: эпистемологически (причина – следствие; форма – содержание; всеобщее – единичное; необходимое – случайное; сущность – явление и т.д.) или цивилизационно (право – правда; собственность – бессобственность; кодекс – катехизис; долг – любовь; указ – справедливость и т.д.) специфицированных. (Ср. с механикой, изучающей движение маятника в срединных, но не крайних точках; вопреки научной аналитической технике философия устремляет внимание на захождение в крайности, пограничности, сосредоточиваясь на выработке правил пребывания – бывания в них.)

Наше время сугубо редактирует ситуацию.

Доминанта прошлой философии – человеческая свобода. Современное цивилизационное испытание – всемирное противостояние Covid-19 – привносит новые модуляции в традиционный дискурс. А именно: утрируется не социокультурное, а соматическое начало человечности. Человек – существо плотское – оказался и подвержен и зависим от сил природности. Он утратил

свободу в ее гуманитарной трактовке. Тиллиховская типология тревог эсхатологически не полна, – она пополняется апокалиптической тревогой «потеря будущего».

Диадическая конструкция «тяжесть личного – радость вечного» оказалась узка; она не вмещает полноты перипетий существования. Сущее вышло из-под контроля человеческой «свободы – воли». Современность вразумила:

Есть много в небесах и на земле того,
Что нашей мудрости, Гораций, и не снилось.

Философская мудрость не могла предположить, что камертоном будет антропологическая катастрофа, что управлять миром будет не высшая форма мироздания – сапиент, а ничтожный вирус. Мир вступил в дефицитную полосу своей глобальной динамики, контролируемую не рационально расчисляемыми траекториями действия, а животным страхом персональной и массовой гибели.

Философии в такой обстановке придется видоизмениться. В высоте звуков лада произойдет перераспределение определяющих положений главных тонов. Понизится звучание партий оптимизма, прогрессизма, интеллектуализма; повысится звучание партий пессимизма, циклизма, антиинтеллектуализма. Но не в одном этом дело. Дело в том, что всемирная эпидемическая беда в одночасье превратила систематически обихоживаемый космос в хаос – обнажила бездну – зияние бессущностного. С таким светопреставлением человечество не сталкивалось.

Не сталкивалась и философия, для которой смысл ее профессиональных забот – поиск смыслов в нахождении вечных сущностей.

Прежняя философия позиционировала себя как философия духа – «безмерного», – привлекая слог Соловьева, безмерное в ее «размер входило». Способна ли настоящая философия стать философией тела – «размерного», – по совету Тертуллиана, полюбить «плоть, коль скоро она сотворена таким художником»? И в более общем разряде – искупить капитальную вину разума – недооценку внеразумного?;

– преодолеть автаркию: самодостаточную узкую специализацию в профессии. Философская концептуализация реалий не может быть частичной, что изобличает творческую реализацию агентов плотно сбитых клановых сообществ типа религиоведов, логиков, этиков, эстетиков, представителей философии «родительного падежа», философствователей. Дело близко к нелепости в варианте свертывания служебных занятий к «профессиональному кретинизму» (Маркс говорил «идиотизму») – раздроблению квалификации на овладение «правой» или «левой» резьбой. На слуху: некто – знаток такой-то проблемы, такого-то фрагмента наследия; еще чаще: такого-то аспекта такой-то проблемы и т.д.

Установка *pro parte* как катализатор самоутверждения в философии – губительна. Просмотр предтеч убеждает: лирика есть стихотворное овладение миром; эпос есть повествовательное овладение миром; элегия есть мечтальное овладение «Я»-миром; философия есть мыслительное (промыслительное) овладение сцепки мира с миром «Я». Подобный тип духовного действия опирается на дискурсивное упорядочение, крепится на принципе системы. Отсюда – естественный металоогический императив: философствование как процесс, философия как порождение (продукт) процесса не может быть частичной, – по способу своего выполнения – связыванию хаоса в человеческий космос, объектов мира в одухотворенную Вселенную, – она не может не быть целостной.

Макет оперативного исполнения системы миропредставления вне дискурсивных овеществлений предлагало искусство, рядившее писателя (поэта, прозаика) в тогу пророка, выразителя духа времени, судьбы человечества (Байрон, Шелли, Белинский, Шеллинг и др.). Некий резон в такой постановке есть: жизнь самоценна, образное схватывание чего осуществляет искусство. Поскольку отобразительные возможности его не обладают чертами всеобщности, необходимости, замысливалась имплантация научной методы в его лоно (Бальзак: «Я – секретарь общества»; романистика – «опись пороков и добродетелей»; Флобер: «...большое искусстве должно быть научным и безличным»). Тщетно.

Во-первых, сращение научного и художественного – приговор художественному (ср.: гегелевский план интеллектуализации искусства путем панлогистской реконструкции существенного).

Во-вторых, искусство и философия решают схожие, но инструментально разнокалиберные задачи. Художественное отображает самодостаточность, полноту жизненного – не требуя логических оправданий; способ освоения предметной базы здесь – эстемность. К примеру, любовь самоценна, не предполагает мыслительных обоснований. Философское хоть и апеллирует к самодостаточности, полноте жизненного, – проводит обоснование выражающих его идеалов; способ овладения предметной базой здесь – ноэмность. Дискурсивно гиперболизируется не протекание чувства в реальности, а некая абстрактная модель подобного протекания, преподносимая как идеальное состояние.

Романтическая программа блока искусства с философией не выполнима. Откуда следует: философский идеалонесущий тип смысло-, жизнеориентировки – уникальный (по методическому функционализму) и универсальный (по методологическому функционализму). И исполняется он исключительно системообразно. Акцентуация «бытия» (объективное) имплицитно развертывает платформу материализма (натурализма); «сознания» (субъективное) – идеализма (феноменализма); «бытия» и «сознания» (психофизический параллелизм) – дуализма; «бытия как сознания» (ср.: Риккерт: «...бытие всякой действительности должно рассматриваться как бытие в сознании» [18, с. 84]) – трансцендентализма и т.д.

Фикс-пункт – в системе, через которую самореализуется философия, объективируется философствование и которую разрушает профессиональное профилирование – узкая специализация. Неправомерную традицию автаркии, использующую логику распада бытия, исключаящего его концептуализацию логикой распада, лучше ликвидировать, нежели поддерживать. Тем более в наше время – период кайроса – момент судьбической перезагрузки общемировых и общечеловеческих взаимодействий.

К системному погружению в реалии предрасполагают острейшие интенсивные глобальные движения тектонического масштаба, обусловленные вступлением популяции в полосу неустойчивого – турбулентного, флуктуационного – существования. Род homo перестает черпать вдохновение в собственной самостоятельности вследствие усиления мировых тенденций:

- дефицитность: крушение ценностных оснований стратегий «экономический рост», «устойчивое развитие»;
- конфликтность (реванш колоний под метрополиями, надвигание аллохтонов, укоренение этнических нелегалов, борьба за ресурсы, резервы, источники сырья): крушение ценностных оснований стратегий «толерантность», «интегрализм», «либерализм» [11];

- виртуальность (разворачивание enhancement technologies, упрочение деперсонализированной субъектности, имитационный характер интеракции): крушение ценностных оснований стратегий «реализм», «гуманизм» [12];
- техногенность (оформление киберсущего, дополненной реальности, засилье биоарта, инженерных интервенций в витальность, универсализация поставка, выпуск эрзацев, суррогатов): крушение ценностных оснований стратегий «витальность», «натуральность».

Кодекс избранничества... Покусительство на всеислие... Керигма царствия Божия на земле... Не как туманные ожидания, но свершения...

Итог печален – утрата гарантийных опор жизнеобеспечения, а с ней – развал классической философии рационального активизма. За что боролись – на то напоролись. Судьба утопии рукотворного мира обслужила гримасу – цинизм дерзания.

Заменяма ли Теодицея Антроподицеей? – с этим и предстоит разбираться системно об-новляемой «любви к мудрости»;

– преодолеть безликость, безавторность, творческую, персональную неоригинальность; отказаться от правила Нэша, по которому конформность части дает ей преимущество в составе целого.

Отвергая апатию, эскапизм, эпикуровское «проживи незаметно», философия, философствование – ристалище для подвига, востребует заявление личностного. Как недоумевал Шопенгауэр, если мы молчим, кто же будет говорить.

В философии слово – первое дело. И звучать оно должно личностно. Ярко. Призывно. Смело. Вдохновляюще.

У нас пока почему-то не говорят. А если пробуют, то как-то неубедительно, глухо; попытки передаются образами языка снижающих параллелей: об «идолах и идеалах», говорили Соловьев, Ильенков и – простите... Квасов, Печенев; об «абстракциях» говорили Лузин, Новоселов – и простите... Ю. Петров.

Истончается личностное – истончается мыслительное – истончается духовный реквизит философского самостроения. Философия не превращается в величину метафизическую.

Течение загрязняется в начале – у источника. Начало философии – глубоко личностное, и оно должно быть чистым, светлым, глубоким. С самого истока. Каким были для неофитов философии моего времени незаурядные личности, до обидного мало успевшие сделать на своем коротком веку, но оставившие неизгладимый след в благодарной памяти потомков – Б. С. Грязнов, Б. Ф. Поршнева, О. Г. Дробницкий, Э. М. Чудинов, С. В. Илларионов...

Белые журавли – красивая стая высоко в небе...

Некую элитарность философской деятельности давно и точно отмечают специалисты. Укажем на Платона: «...толпе не присуще быть философом... те, кто занимается философией, будут вызывать ее порицание...» [17, с. 297]; и Гердера: «...философская спекуляция может быть уделом лишь очень немногих...» Натурально: исполнение философии нуждается в особом состоянии

- ментальности: в фокусе философии – предельные, граничные исходные основоположения, имеющие силу для осмысления, постижения сущего как такового. Отсюда – интенциональная увлеченность «за-опытным», выходящим за границы ratio. Если рациональность связывать с сознательностью целеориентаций в

планировании поведения, то устремленность на за-цельность, вне-цельность, сверх-цельность (традиционная тематизация трех метафизических гиперпроблем: что есть мир, душа, Бог) позволяет отмечать нерациональность, индуцирующую (по Гердеру) впадение в сладкую дремоту, погружение в сон (ср.: сон разума рождает чудовищ), искажение образов действительности (борьба с последним – питательная почва антиспекулятивизма – юмизм, кантианство, позитивизм);

- персональности: в философии значителен момент подвижничества, проповедничества. Демокрит пошел на членовредительство, Диоген – на отказ от мирских благ, отказу от убеждений Сократ предпочел смерть...

Опыт миссионера может не корреспондировать духу его учения. Он не обязан жить, как думает, и думать, как жить (поступает не как думает лицемер). Не то философ. От иных деятелей практически-духовного его отличает особое отношение к «правде жизни», которая органически вписана в структуру его поведения. В случаях, когда это не достигается, нарушается баланс теоретического – практического, слова – дела, знания – убеждения, подвергаются эрозии фроне́зис, даймонион, софросина, закладывается сомнение в принадлежности философствующего клану философов.

Философия зиждется на поступке, дефицит которого в нашей епархии констатировал еще Бахтин и *velis nolis* вынуждены констатировать мы. Отказ от умственной, поведенческой апатии (не сродни дальновидной атараксии) – сильный рычаг для совершенствования. Нужна четкая эволюция к тому, что «завещано веками» и что обеспечивает беспрепятственное прохождение между Сциллой митинговости (агитаторство) и Харибдой камерности (шепотности).

Философия ждет, а должна – требовать. С достойным лицом покидая просящую позу (как в «Дон Карлосе» Шиллера): «Государь, введите свободу мысли».

Философию небезосновательно называли служанкой то теологии, то идеологии. Все дело, однако, в самоощущении. Как точно фиксировал Кант, – большая разница, «несет ли... служанка перед милостивой госпожой факел или шлейф позади нее».

В конце 70-х философия настаивала на никчемности футурологии. Витийствовал Шахназаров [22]. В итоге во всем мире есть *visions* (прогнозирование, программирование будущего), у нас – нет. (Ср.: невозполнимые потери фундаментального и прикладного свойства вследствие травли генетики, кибернетики, теории резонанса, копенгагенской интерпретации квантовой механики, социологии.) Что в том хорошего? (На фоне сказанного – более общая и острая проблема: почему искания, ищущие лица в России преследуются? Уехал Зворыкин – у нас нет национальной телеиндустрии. Уехал Сикорский – долгое время у нас не было вертолетостроения. Уехал Уфимцев – до последнего момента у нас отсутствовало промышленное внедрение технологии «стелс». Почему у нас часто многое не «благодаря», а «вопреки»? Кому легче?)

Итак, прислужничество... Философия угодников не находит ни читателей, ни почитателей. О ее исполнителях хорошо высказал еще Григорий IX: *Nec philosophos se ostentent*.

Совершенно иное – освещение – предопределение предустановлений. И здесь можно указать на плодотворную критику марксистско-ленинской (догматической) утопии «отмирания государства». В наш жесткий век борьбы за соблюдение национальных интересов роль государства в глобальном мире исключительно возрастает.

Судьба дурно обходилась у нас с носителями яркого индивидуального. Мы ожидаем полного восстановления справедливости – в первую очередь со стороны вмешательства институционального. Как говорил Декарт, – нет для державы большего блага, чем «иметь истинных философов» [9, с. 301];

– санировать систему подготовки кадров: радикально обновить, оживить философское образование. После ссылки декабристов, – констатировал Герцен, – «температура образования, видимо, у нас понизилась, меньше ума сделалось в обороте, общество стало пошлее, потеряло возникающее чувство достоинства» [6, с. 42]. Тем не менее еще долгое время говорили: в России два правительства: одно – в Петербурге, другое – интеллигенция Московского университета. Потом стали говорить: Малый театр – второй университет. И вот уже в предреволюционный период Лосев постигал премудрость философского знания не в аудиториях, а в Большом, где ставили вагнеровскую тетралогия «Кольцо нибелунга». Иными словами, к 1915 г. не философия, а искусство имело силы выражать жизненную позицию и оформлять ее художественным – образным (не дискурсивным) способом.

Вырубленных – используя оборот классика – из самого лучшего, самого крепкого и ценного дерева, какое только произрастает на русской почве, становилось все меньше и меньше. Под разными предлогами судьбы их осложняли. Если к факторам разрушения личности раньше можно было отнести технизм, институционализм, бюрократизм, фундаментализм, то теперь – подавление серократией. На философию навело порчу нашествие маловыразительности, посредственности, непримечательности. Безликая клика (удачная аллитерация!) облепила профессию липкой тягучей лягушачьей икрой.

Некая отдушина в прежнем – вольные ассоциации единомышленников: Вольфила; религиозно-философское общество; вольная академия духовной культуры; психологическое общество при Московском университете; философское общество при Санкт-Петербургском университете; общество свободной эстетики; кружки – Лопатина, Мейера («Воскресение»); семинар Челпанова; творческое объединение ученых «Лузитания» (Лузин).

Чуть позже: Московский методологический кружок (Щедровицкий); Московский логический кружок (Щедровицкий, Зиновьев, Грушин, Мамардашвили); Комиссия по психологии мышления и логике (Щедровицкий, Шеварев, Давыдов); междисциплинарный семинар по структурно-системным методам анализа в науке и технике (Щедровицкий, Садовский, Э. Юдин); Философское общество; семинары Купцова (философия науки); Библера (философия культуры и диалогии); Волченко (биоэнергоинформатика); Ахиезера (цивилизационистика); Померанца (антропология, историология).

Сейчас нет ни школ, ни кружков, остались редкие одиночки. Но они скоро станут ископаемыми, сменятся ничем. Налицо вырождение. Потому что готовятся не актеры, а озвучиватели, умеющие воспроизводить, не творить.

Слышное и неслышное цитатничество; безмерное и беспримерное подражательство; шуршание заемного и заимствованного... Списки, отображения, копии, воспроизведения... Точка сатурации абсурда вторичности достигнута. За ней – пустота, которую, скажем, еще недавно отмечали в Сорбонне, указывая на разгул террора по поводу всего того, что имеет отношение к мысли [10].

У нас – не лучше. Взять лишь обстановку на философском факультете МГУ. Прилежных подмечателей оттенков чьих-то мыслей – прорва. Где же мысли свои?

Руководители центральных теоретических кафедр – без фундаментальных трудов, без научной инициативы. Провинциальный декор «межкускового бормотанья» (Тынянов) оттеняют, накладывая неяркую краску бездарности, предводители кафедр «родительного падежа» – философии науки; языка; образования; культуры; естественных, гуманитарных факультетов; этики; эстетики. Их имена, идеи вовсе не известны профессиональной общественности, как имена, идеи большинства их сотрудников. По кафедре истории русской философии нет желающих специализироваться.

В философии (как часто в истории государства Российского) скоро будет «некем взять».

Напрашивается риторический вопрос: сколько и чего ждать?

Как реагирует на происходящее «наше все» – наша смена – пестуемые обществом интеллектуалы – молодежная отечественная элита – студенчество? Своеобразно. На отсутствие свежих академических взглядов – «свежие» протестные действия типа

- sex action (на президентскую инаугурацию Медведева в Дарвиновском музее);
- pop session («пуськи») в христианском храме;
- нелепых вояжей в ИГИЛ...

Как там у Августина: «Возлюби и делай, что хочешь». Однако же: возлюби – святыню, не святотатство. Правда, всему этому надо учить.

Когда-то Авиценна выпустил *communia naturalicum*, заложивший основы особому разделу философского знания – разработке научной картины мира. Значительную лепту в оформление философски развертываемой сценографизации реальности внесли наши современники: Налимов, Баженов, Акчурин, Рузавин, И. Алексеев, Карпинская, Сачков, Тюхтин, Мостепаненко (отец и сын), Мамчур, Панченко, Аршинов, Делокаров, Молчанов и др. Уметь вести диалог с учеными, профессионально говорить на языке положительных исследований – большое искусство. И оно утрачивается. (Едва не последний из могижан – Борзенков, успешно развивающий биофилософию.)

Серьезные сбои в философии языка (после Н. Трубецкого, Шпета, Степанова, Якобсона); культуры (после Е. Трубецкого, Мелетинского, Топорова, Стеблин-Каменского); гуманитаристике (после Бахтина, Пумпянского); символистике (после А. Белого, Фрейденаберг, Аверинцева).

Разогнанный трамвай деформации профессии, не притормаживая, летит и давит – подминает, подламывает, растаптывает всех, сохранивших мужественное величие своим самоотвержением создавать – питать философскую мудрость.

Как и куда бредет философия, более или менее понятно. Более или менее понятно также, как и куда ей не брести. Заказан путь имитации. И в смысле поделки. И в смысле подделки. Сколько ни пробавляться симуляцией, на дорогу вершения судеб знания не выйти.

Быть вместе с профессией заставляют не обстоятельства, но обязывающая причастность общему благородному и благодарному делу, исключаящему создание собственных параллельных и альтернативных историй. Надо любить профессию. Семена светлого чувства укрепятся, прорастут. Появятся пробьющие камни всходы. Всходы дадут растения, завязи. Завязи – богатые семенами плоды.

Любовь – она гарант естественной ритмики плодоношения. Литературе не заказывают; заказывать ей бесполезно: могут заказать Индию, откроется же Америка [20, с. 414]. Равнообразно невозможно заказывать философии. Последнее убедительно показал печальный опыт ее директивного развития: не состоялась заказанная философия ни «кузнечного дела», ни «научного коммунизма».

Философия держится вольномыслием – созидательным полетом духа, дерзанием, неуемным исканием, чувством нового. Тем, что именуют саморазвитием, культурным взрывом, включающим тягу к пресловутой стабильности. Стабильность для вольномыслия суть стагнация, вовлекающая в обреченное косное душевное состояние – полный стабилизец.

Литература

1. Адорно Т. В. *Негативная диалектика*. М.: Научный мир, **2003**. 374 с.
2. Белинский В. Г. *Полное собрание сочинений: в 13 т.* М.: Изд-во АН СССР, **1955**. Т. VII. 740 с.
3. Белинский В. Г. *Полное собрание сочинений: в 13 т.* М.: Изд-во АН СССР, **1956**. Т. XI. 718 с.
4. Белинский В. Г. *Полное собрание сочинений: в 13 т.* М.: Изд-во АН СССР, **1956**. Т. XII. 596 с.
5. Герцен А. И. *Собрание сочинений: в 30 т.* М.: Изд-во АН СССР, **1954**. Т. 2. 516 с.
6. Герцен А. И. *Собрание сочинений: в 30 т.* М.: Изд-во АН СССР, **1958**. Т. 13. 676 с.
7. Григорьев Ап. А. *Полное собрание сочинений и писем Аполлона Григорьева в 12 т.* Пг.: П. П. Иванов, **1918**. Т. 1. 356 с.
8. Гуссерль Э. *Философия как строгая наука // Логос*. **1911**. Кн. 1.
9. Декарт Р. *Сочинения в 2 т.* М.: Мысль, **1989**. Т. 1. 654 с.
10. Жильсон Э. *Философ и теология*. М.: Гнозис, **1995**. 192 с.
11. Ильин В. В. *Мир Глобо: вариант России*. М.: КДУ, **2009**. 255 с.
12. Ильин В. В. *Теория познания. Критика инструментального разума. Speciosa Miracula: тотальный мировейник*. М.: Проспект, **2020**. 160 с.
13. Лавров П. Л. *Избранные произведения в 2 т.* М.: Мысль, **1965**. Т. 1. 752 с.
14. Ленин В. И. *Полное собрание сочинений*. М.: Госполитиздат, **1961**. Т. 20. 583 с.
15. Мор Т. *Утопия*. М.: Наука, **1978**. 417 с.
16. Островский А. Н. *Полное собрание сочинений: в 16 т.* М.: ГИХЛ, **1952**. Т. 13. 404 с.
17. Платон. *Сочинения: в 3 т.* М.: Мысль, **1971**. Т. 3(1). 685 с.
18. Риккерт Г. *Введение в трансцендентальную философию*. Киев: В. А. Просяниченко, **1904**. 258 с.
19. Сартр Ж.-П. *Избранные произведения*. М.: Республика, **1994**. 496 с.
20. Тынянов Ю. Н. *Литературная эволюция*. М.: Аграф, **2002**. 496 с.
21. Чанышев А. Н. *Курс лекций по древней и средневековой философии*. М.: Высшая школа, **1991**. 512 с.
22. Шахназаров Г. Х. *Фиаско футурологии*. М.: Политиздат, **1979**. 352 с.
23. Ниа III. § 152.

Поступила в редакцию 20.03.2020 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2020.3.1

Philosophical today. Part II. Lux benigna

© V. V. Ilyin

*National Research Center "Kurchatov Institute"
1 Academician Kurchatov Square, 132182 Moscow, Russia.*

Email: vvilin@yandex.ru

In the second part of the work, the plot of the heuristic sanitation of philosophical activity is outlined, which provides for the deployment of creative energy towards the study of realities. Not the analysis of texts, but the reflection of the essence of a busy life is the subject of search for not opportunistic, but sober heads. The purpose of philosophy is to open the organic bonds of existence, to expose the essential roots of being, to establish the connection of time. Philosophical works must dare to be themselves; their authors are above "their task". From social demagogy to creative activity – the main line of development of philosophy.

Keywords: philosophy, culture, creativity, life.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Ilyin V. V. Philosophical today. Part II. Lux benigna // *Liberal Arts in Russia*. 2020. Vol. 9. No. 3. Pp. 151–164.

References

1. Adorno T. V. *Negativnaya dialektika [Negative dialectics]*. Moscow: Nauchnyi mir, **2003**.
2. Belinskii V. G. *Polnoe sobranie sochinenii: v 13 t. [Complete works: in 13 volumes]*. Moscow: Izd-vo AN SSSR, **1955**. T. VII.
3. Belinskii V. G. *Polnoe sobranie sochinenii: v 13 t. [Complete works: in 13 volumes]*. Moscow: Izd-vo AN SSSR, **1956**. T. XI.
4. Belinskii V. G. *Polnoe sobranie sochinenii: v 13 t. [Complete works: in 13 volumes]*. Moscow: Izd-vo AN SSSR, **1956**. T. XII.
5. Gertsen A. I. *Sobranie sochinenii: v 30 t. [Collected works: in 30 volumes]*. Moscow: Izd-vo AN SSSR, **1954**. Vol. 2.
6. Gertsen A. I. *Sobranie sochinenii: v 30 t. [Collected works: in 30 volumes]*. Moscow: Izd-vo AN SSSR, **1958**. Vol. 13.
7. Grigoryev Ap. A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem Apollona Grigor'eva v 12 t. [Complete works and letters by Apollon Grigoryev: in 12 volumes]*. Pg.: P. P. Ivanov, **1918**. Vol. 1.
8. Husserl E. *Logos*. **1911**. Kn. 1.
9. Descartes R. *Sochineniya v 2 t. [Works in 2 volumes]*. Moscow: Mysl', **1989**. Vol. 1.
10. Gilson E. *Filosof i teologiya [The philosopher and theology]*. Moscow: Gnozis, **1995**.
11. Il'in V. V. *Mir Globo: variant Rossii [Globo World: variant of Russia]*. Moscow: KDU, **2009**.
12. Il'in V. V. *Teoriya poznaniya. Kritika instrumental'nogo razuma. Speciosa Miracula: total'nyi miroveinik [The theory of knowledge. Critique of instrumental reason. Speciosa Miracula: total hiveworld]*. Moscow: Prospekt, **2020**.
13. Lavrov P. L. *Izbrannye proizvedeniya v 2 t. [Selected works in 2 volumes]*. Moscow: Mysl', **1965**. Vol. 1.
14. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii [Complete works]*. Moscow: Gospolitizdat, **1961**. Vol. 20.
15. More T. *Utopiya [Utopia]*. Moscow: Nauka, **1978**.
16. Ostrovskii A. N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 16 t. [Complete works: in 16 volumes]*. Moscow: GIKhL, **1952**. Vol. 13.
17. Plato. *Sochineniya: v 3 t. [Works: in 3 volumes]*. Moscow: Mysl', **1971**. Vol. 3(1).
18. Rickert G. *Vvedenie v transtsendental'nuyu filosofiyu [Introduction to transcendental philosophy]*. Kiev: V. A. Prosyanchenko, **1904**.
19. Sartre J.-P. *Izbrannye proizvedeniya [Selected works]*. Moscow: Respublika, **1994**.
20. Tynyanov Yu. N. *Literaturnaya evolyutsiya [Literary evolution]*. Moscow: Agraf, **2002**.
21. Chanyshv A. N. *Kurs lektsii po drevnei i srednevekovoi filosofii [Lecture course on ancient and medieval philosophy]*. Moscow: Vysshaya shkola, **1991**.
22. Shakhnazarov G. Kh. *Fiasko futurologii [Fiasco of futurology]*. Moscow: Politizdat, **1979**.
23. Hua III. § 152.

Received 20.03.2020.